

Юрий Никитин

Псевдоним

*Часть сборника
Далекое светлое терем
(сборник)*

Юрий НИКИТИН

Псевдоним

«ЭКСМО»

1998

Никитин Ю. А.

Псевдоним / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1998

«Перелом произошел как-то сразу. На столе лежали почти готовые к сдаче три повести, два десятка невычитанных рассказов, со стола не исчезал роман – уже готова первая треть. Лампов готовился отдать все вместе, приближался первый юбилей – пятидесятилетие. В редакциях отнесутся благосклоннее, хотя вещи Лампова и так обычно проскальзывают в печать как намыленные, но юбилей надо выделять хотя бы количеством... но тут Лампов неожиданно для себя поднялся на следующую ступеньку в творчестве...»

© Никитин Ю. А., 1998

© Эксмо, 1998

Юрий Никитин Псевдоним

Перелом произошел как-то сразу. На столе лежали почти готовые к сдаче три повести, два десятка невычитанных рассказов, со стола не исчезал роман – уже готова первая треть. Лампов готовился отдать все вместе, приближался первый юбилей – пятидесятилетие. В редакциях отнесутся благосклоннее, хотя вещи Лампова и так обычно проскальзывают в печать как намыленные, но юбилей надо выделять хотя бы количеством... но тут Лампов неожиданно для себя поднялся на следующую ступеньку в творчестве.

Он был уверен, что та, на которой находился ранее, и есть самая-самая высокая, и, глядя на предыдущие, говорил себе с добродушной улыбкой: «Каким же дураком я был!», подразумевая, что уж сейчас он точно не дурак, но теперь произошло некое внутреннее изменение, и он с радостью и страхом ощутил, что может писать намного лучше, что сейчас действительно видит больше, умеет больше, а до того был все же дурак, да какой еще самовлюбленный дурак!

Мгновенно увидел свои же произведения такими, какие на самом деле, и впервые рецензенты показались не идиотами, что ни уха ни рыла в творчестве, штампуемыми отрицательные рецензии по сговору с редактором, а людьми, опередившими его в понимании.

Мелькнула полувосхищенная-полузавистливая мысль: они ж еще тогда знали! Понимали! Умели! Стояли на этой высокой ступеньке! А он тогда жил еще червяк червяком...

Он пометался по комнате, принялся дрожащими руками запихивать эти недоповести, недорассказы, недороман в старые папки. Хорошо, не успел развезти по редакциям! Ладно, для читателей он останется автором трех заурядных книг, благодаря которым вполз в Союз писателей, а затем вдруг совершившим изумительный творческий взлет. Если бы отдал в печать эту лихую чушь, то вышла бы в журнале через полгода, а в издательстве через два, и потом – страшно подумать! – по ней бы судили о нем, Лампове... Стыдно было бы смотреть в глаза тем, кто умеет и кто понимает.

Лихорадочно возбужденного, прижимающего к себе обеими руками стопки папок, его понесло в коридор, там больно ударился локтем о дверной косяк.

У входа опомнился. Мусоропровод между этажами, а в «семейных» трусах только выскочи на лестничную площадку – соседи всю оставшуюся жизнь будут потешаться, пальцами показывать.

Положив рукописи на пол, он торопливо влез в спортивный костюм. Завязки папок затрещали, когда он снова суетливо подхватил всю грудку, одна веревочка не выдержала, листки с шелестом разлетелись по прихожей.

Он ругнулся, опустил на четвереньки. Пальцы сгребали в кучу листки, а глаза автоматически выхватывали строки, воскрешали целые абзацы...

Жена, придя с работы, застала Лампова на полу. Он сидел по-турецки, вокруг лежали, усеивали прихожую, исписанные страницы. Лампов брал то один лист, то другой, подносил к глазам.

– Это же не халтура, – сказал он с раздражением. – Вот в продаже сапоги по сто девяносто рэ, а есть и по восемьдесят. За первыми – давка, а вторые – берут поспокойнее... Но пользу приносят и те, и другие! От первых – и польза, и вид, и удобство, вторые – только от грязи охраняют... Все с разной степенью гениальности сделано, только книги им подай самые-самые лучшие!

– Алеша, что с тобой?

– С сегодняшнего дня, Маша, я знаю, как писать по-настоящему! С сегодняшнего. Но сколько воды утечет, пока напишу по-нынешнему, пока прочтут, отрецензируют, в план поставят?.. А это, написанное, выбрасывать, что ли?

Жена переполошилась:

– Алеша, такой труд... Вспомни, как ты каторжно работал.

– В том-то и дело. Угрохал годы. Пишешь сразу несколько вещей, в издательство несешь те, что вытанцовываются быстрее, другие оседают, созревают медленнее. Вот и скопилось... А ведь осталось только крохотную правочку – и можно бы в печать.

Жена спросила опасливо:

– А ты в самом деле... можешь лучше?

– Могу, – ответил он устало. – Все, что написал раньше, чепуха. Критики в своих статьях правы. Я бы себе сильнее врезал.

Жена просияла:

– Как хорошо... А то ты говорил про первую десятку, большую пятерку, а себя все считал только в первой сотне!

– А на самом деле я был в первой тысяче, – сказал он угрюмо. – Тачал сапоги по восемьдесят рэ, а сейчас могу по самому высокому классу... Вот только этих, уже сшитых, жаль! Все-таки столько за машинкой горбился... Да и без гонораров насидимся, пока новые напишу, да пока пойдут.

Он с мрачным лицом продолжал перебирать листки. Жена на цыпочках ушла на кухню. Вскоре оттуда покатила вкусные запахи. Маша умела на скорую руку приготовить сносный ужин.

Лампов поднялся, сказал твердо:

– Я сказал, что не опубликую!

– Вот и хорошо, – согласилась она из кухни, немного встревоженная агрессивным тоном, словно бы с ним кто-то спорил.

– Но это опубликую не я, – сказал он зло. – Но... чтобы труд не пропал... гм... пусть в печать все же пойдет.

– Как это? – не поняла жена.

Он пришел на кухню, сел за стол. В прихожей остались на полу листки.

– Очень просто, – отрубил он. – Чтоб имя не марать! В печать пойдет... под псевдонимом.

Она выжидающе помалкивала. Он сопел за столиком, устраивался поудобнее, наконец не выдержал:

– Это же мои заработанные деньги, понимаешь? Я ведь сотворил эти вещи, не украл же! Почему сапоги можно делать и на троечку, а рассказы – только на пять?

Она поставила перед ним тарелку с горячим супом. Он повеселел:

– Я открешиваюсь от произведений, но не от гонорара!.. Давай-ка лучше придумаем псевдоним похлеще. С претензией. Что-нибудь вроде: Алмазов, Бриллиантов...

– Самоцветов, – подсказала жена с неуверенной улыбкой.

– Вот-вот! Жемчугов, Малахитов... Да что мы одни камни? Львов, Орлов, Соколов...

– Львовский, Орловский, Соколовский, – поправила она. – Так эффектнее.

– Умница ты моя, – сказал он и поцеловал жену мокрыми от супа губами. – Пусть Орловский. А имечко тоже напыщенно-глупое: Гай Юлий, например...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.